

ЗИНАИДА ГИППИУС

О ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРОЗЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

О литературной прозе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911350

Аннотация

«Три-четыре книги старых писателей, три-четыре – молодых. Займемся сначала старичками. Я люблю средних, старых, русских писателей. Тех, впрочем, которые давно уже стоят в переплете на полках; и даже страницы немного у них слежались. Хорошо иногда взять Мельникова, Писемского, Дружинина, даже Хвоцинскую – и заняться ими часок. В душе – снисходительный покой, в мыслях – порядок, тихая какая-то аккуратность. Сам делаешься не сегодняшним, а „тогда бывшим“, и это очень приятно...»

Зинаида Гиппиус

О литературной прозе

Три-четыре книги старых писателей, три-четыре – молодых. Займемся сначала старичками.

Я люблю средних, старых, русских писателей. Тех, впрочем, которые давно уже стоят в переплете на полках; и даже страницы немного у них слежались. Хорошо иногда взять Мельникова, Писемского, Дружинина, даже Хвощинскую – и заняться ими часок. В душе – снисходительный покой, в мыслях – порядок, тихая какая-то аккуратность. Сам делаешься не сегодняшним, а «тогда бывшим», и это очень приятно.

Но старички наши, те, которые до сих пор пишут и выпускают в свет «новые книги» – вряд ли займут когда-нибудь, тронут и успокоят. Они попали в щель литературного перелома, писать по-старому забыли, да и не хотят, а по-новому стараются, да не умеют. Чем больше такой старичок напрягает силы, чтобы идти «за временем» – тем досаднее глядеть: он – он только теряет все свое скромное, прежнее имение.

Таков, например, г. Луговой (Тихонов). Он издал две книжки: «Девичье поле» (повесть) и «Сказка жизни» (драма-поэма).

Конечно, г. Луговой, и помимо всяких исторических оценок, не Писемский и даже не Хвощинская. Но все-таки он

когда-то сводил концы с концами, его «Pollice verso»¹ даже имело «успех»; он не то что «обещал», но на литературном безлюдье своего времени был тем Фомой, которого иные считали дворянином. Раскройте сегодняшние его книги: что за претензии! Сколько старанья, а в конечном счете – злостная банальщина, прошлогодняя мода, да еще неумело перенятая. «Девичье поле» – рассказ о «гениальной» двадцатилетней художнице, которая учится в Париже и для чего-то приезжает к родным, в усадьбу «Девичье поле». Вероятно, приезжает для произнесения длинных и весьма «новых» монологов об искусстве, вроде: «Нет смысла в жизни, если нет искусства... для истинного художника всегда остается только искусство для искусства... изображать жизнь он должен свободно, правдиво» (стр. 50–51)... Затем гениальная девушка уезжает в Париж, выходит там замуж тоже за гения, и они оба немедленно становятся самыми современными мировыми известностями. Автор жадно уверяет нас, что героиня гениальна. Пока она сидит и рисует – он описывает окружающую ее природу такими словами: «Прекрасна была ночь с ее ярко светящей луной, с мириадами звезд... Сколько красоты, поэзии, сколько обаяния!»

А что сказать о второй книжке того же автора, драме-поэме: «Сказка жизни»? Лучше всего было бы вообще о ней не говорить. Да уж к слову пришлось.

¹ «С повернутым пальцем» (лат.); этим знаком пальца, повернутого к груди, гладиаторы требовали: «Добей его!»

Тут – г. Луговой объясняется прозой, а герои его – Дед, Юноша и Видение – белыми стихами. Видение предлагает юноше, чего он хочет, на выбор:

Богатства? Славы? Власти?
Покоя? Добродетели? Любви?

По лицу Юноши пробежала улыбка... Что мог он предпочесть из предложенного?

Хочу всего. Но знать хочу я прежде
Все эти элементы счастья – где?

Видение окинуло взором...

Не довольно ли цитат? Любопытно, правда, что Видение отвечает:

...хочешь так:
Построят фабрики – ты во главе международной
армии рабочих... –

но все же дальше не хочу выписывать. Довольно о сказке-драме, довольно о г. Луговом. Вряд ли возвращусь я к нему когда-либо, даже если он опять издаст «новые» сочинения.

Откроем пока еще одну, только что вышедшую, книгу старинного писателя:

Ольга Шапир. «Роза Сарона», повесть (и друг, рассказы: «Мечта», «В темноте»).

Открыть можно, прочесть трудно, понять в чем дело – почти нельзя. Тут вряд ли уместно спрашивать себя, стремится ли автор к «модернизму», теряет или не теряет он старое. Где Ольге Шапир нечего терять. Испокон веков ее произведения колыхались на страницах «Вестника Европы», как довременный хаос, безликий и безобразный. Так же продолжают колыхаться «Роза Сарона», «Мечта» и в «Темноте». Говорят, будто под каждую «Мечту» г-жи Шапир подложена добродетельная идейка; я – не знаю, ни разу еще не удалось мне в этом хаосе разобраться, уяснить себе, о чем речь идет. Интерес возбуждают знаки препинания: точки маком рассыпаны по странице, а между ними угрожающе глядят утроенные восклицания и вопрошения. Согласен, это интерес внешний; но другого никакого нет.

Иван Щеглов. («Рассказы», Спб., 1910 г.) – вот старичок, которого нельзя упрекнуть в претензиях на «современность», да и вообще в каких бы то ни было претензиях. Что действие происходит в наши дни – едва можно догадаться по случайной фразе: «швейцар читает Ната Пинкертона», «Кавальери поет в опере». Остальное все идет у автора по-прежнему, и по-прежнему он пишет. Впрочем, он менее прежнего держится за свой собственный «жанр», и это ему вредит. Его специальная область – кухарки, лакеи, кучера, прислужье царство, петербургский «полународ»; его и не следова-

ло бы оставлять. Старый роман г. Щеглова – «Гордиев узел» решительно интересен и написан недурно: это история горничной, выходящей замуж за студента. В «Новых рассказах» его, чуть заговорят петербургские кумушки, дворники или мастеровые – является и жизнь, и беззлобное остроумие... «...Взял он эту самую маруху, выходит, из порочного дома и берег точно какую заграничную птицу... а она его все точит – зачем он ее на волю выкупил...»

«– Известно, каждая баба по своей луже скучает, – скрепил презрительно Антон Антонович».

Вот и следовало бы г. Ивану Щеглову не забывать «Антон Антоновичей», которых он лучше знает, чем генералов и художников, а потому лучше о них и пишет.

Если мало утешили новые книги старичков – то от молодых писателей (из «средних»), – или считающихся молодыми, – тоже нет радости. Вот –

Борис Лазаревский. «Девушки» (Сб. рассказов, Спб., 1910 г.). Не знаю, стар или молод г. Лазаревский. Во всяком случае пишет и печатается он не так давно. В книге его «Девушки» – девушек, собственно, нет; есть одна-единственная девица, взлелеянная воображением г. Лазаревского, им нежно возлюбленная; а при девице – один кавалер. Напрасно было и разбивать книгу на множество мелких рассказиков, придумывать в каждом новое имя девице: Соничка, Шурочка, Ниночка, Любочка. Нет уж, Соничка, так Соничка. В каждом рассказе с девицей Соничкой происходит то же самое.

Встречается Соничка с кавалером, – ну, будем звать его Алешей, или, лучше, Георгием. Соничка влюблена, Георгию она нравится. Затем Георгий, иногда случайно, иногда нарочно, смотрит в щелку и видит Соничку непременно во всей «натуральности», с «распущенными по матовому телу рыжеватыми волосами» (стр. 151). Кавалер Георгий, конечно, потрясен: «весь его организм удивился и растерялся» (стр. 51). Ему начинает «особенно хотеться жить и мозгами и физически» (стр. 194), вот уж он испугался, что его «порядочность полетит вниз» (стр. 202), однако, в конце концов, – все благополучно: девица остается девицей (в крайнем случае – полудевицей), а кавалер Георгий скрывается, уезжает, разлюбив, и следы замечает. Бедная Соничка! А как она старалась! «Сама говорила ему: милый, я твоя...» Георгий «целовал все тело и горел...» Однако тотчас же, «успокоившись, селazole и сказал: нет, еще не теперь...» (стр. 134). Но, конечно, и после ничего не устроилось. Иногда Соничка читает ночью с Георгием Надсона; из Надсона опять ничего не выходит: неумолимое перо г. Лазаревского толкает Георгия прочь от Сонички, чтобы ни «думали мозги» (стр. 124) бедного кавалера; и Соничка – одна, и «тоскует душа», между тем как ей хотелось бы, чтобы «ее тело несло в бездну и каждый нервик испытал нечеловеческое наслаждение» (стр. 228).

Только раз Соничка, будучи гимназисткой, влюбилась не в Георгия, а в своего учителя словесности, «необыкновенного человека», который умел говорить такие, например, ге-

ниальные вещи: «Преимущество литературного слова перед музыкой, живописью и скульптурой заключается в том, что оно производит сильное впечатление на всех людей» (стр. 197)...

Соничка и к «необыкновенному человеку» всячески липла, но его г. Лазаревский быстро уморил в Крыму, и Соничка, оставшись ни при чем, собралась «поступить на курсы и утопить свое горе в холодной науке» (стр. 240).

О стиле «Девушек» вряд ли еще нужно говорить после приведенных цитат. Тайное желание г. Лазаревского – писать «под Чехова»; но это ему не удастся нисколько. Он ближе к любому чеховскому герою, чем к его творцу. Гимназическое надсонианство у г. Лазаревского смешано с радостным влечением к наивной порнографии. Не без приятности писал г. Лазаревский свою книгу; удивляюсь, что кончил: «Приключения Сонички» можно растянуть еще томов на десять. Придя в возраст – Соничка, очевидно, не изменится; в гимназии, на курсах, в столице, в провинции – она, ведь, все та же, – маленькая, пошленькая, грязненькая, невежественная любимица г. Лазаревского; и в 45 лет она так же будет влюбляться в Георгия. Только вот «рыжеватые волосы» выпадут, да и «аромат женского тела пропадает у них (?) после тридцати лет» (стр. 131), пожалуй, г. Борису Лазаревскому писать о такой Соичке нет никакого удовольствия.

Да, печальная книга, печальная история, печальным языком она написана. И все же, если бы пришлось выбирать (вы-

бирать, слава Богу, не нужно, но если бы пришлось!) между «Девушками» г. Лазаревского и той книгой, к которой и сейчас перейду, – я сказал бы: нет, пусть Надсон, пусть Георгий, подсматривающий в щелку, пусть «величественная природа Кавказа», пусть «любая открытка Богданова-Бельского» (все, что так любят герои Б. Лазаревского), пусть сам г. Лазаревский, только не –

Иван Рукавишников. («Сны»). Есть такие книжки. Сразу можно узнать, что это за сорт, довольно выписать четверть любой странички.

«И ушли белые по многослойному пурпуру беззвучно. И я знал, что закрылись двери. Здравствуй, царица!

И был мне ответ. Иной, чем тогда.

И был я один. И были вдвоем. Под небом Солнца, под небом Луны, под сводами красного камня, то не видящими Солнца, то не видящими Луны... И попирал я пурпур, одеяние сильных мира»...

Если бы кто-нибудь захотел знать, что дальше – отсылаю его к 33 странице книги. Но дальше то же самое.

Вот сон «Проклятый»; начинается он так:

«Стонала земля под копытами черного коня. Цепкие черные руки ночного леса били нас...». «И тряслось перед глазами моими белое лицо старика, зиял рот его, зияли глаза. И в уши мои били камни слов старика:

– Будь проклят! Будь проклят! Будь проклят!» и т. д.

Это «Сны» не виденные, даже не придуманные, а выму-

ченные, в холодном поту, в отчаянии от собственной бездарности. Неужели г. Иван Рукавишников и теперь еще не замечает, чем кончилось его нечеловеческое напряжение? Неужели думает, что это «поэтическая проза», а не жалкое, старое (очень старое!), противное безвкусице?

Не только г. Лазаревского всякий предпочтет этим проклятым «снам», но даже

С. Т. Семенов. «Девичья погибель» (изд. 3, «Посредника») – и тот лучше. Хотя очень он плох. Не то, что плох – а просто вне литературы.

Г. Семенов – крестьянин. Помнится, один его рассказ был напечатан в «Вестнике Европы» с длинным предисловием Льва Толстого. Это обстоятельство так уясняет труды г. Семенова, что о них можно бы судить и не раскрывая книги. Несуществующей язык, не крестьянский, и не интеллигентский, а какая-то полугладкая, унылая смесь из обоих. Определенное нравоучение в каждом рассказе. Книг г. Семенов написал много, и «Девичья погибель», оказывается, выходит уже третьим изданием. Это меня очень удивляет. Для кого, собственно, издаются и пишутся такие книги? Кто читатели г. Семенова? Интеллигенты, даже интересующиеся народом, его читать не станут: из этих гладко-сладких побасенок ничего нельзя узнать нового. Да и очень уж терпко и скучно читать такую книгу человеку мало-мальски знакомому с литературой. Народу, что ли, нужны сочинения г. Семенова? Ну, нет, народ от них первый отвернется. Примитивны-

ми нравоучениями его не прельстишь (да и не исправишь), не прельстишь также и описаниями, как лошадь засупонивают. Мужик это знает, ему это скучно, до смерти и так надоело. От книжки он требует иного – и прав. Лев Толстой, пре-вознося г. Семенова, тоже прав по-своему; но ведь известно, что Лев Толстой, как ни любит народ, все же нелюбовь к литературе у него сильнее любви к народу. Ему кажется, что «хороший» народ будет очень доволен плохими книгами г. Семенова. А по-моему, всякий народ: и дурной и хороший, достоин лучшей о нем заботы, и вполне прав, отвечая таким Семеновым: «Не корми меня тем, чего я не ем».

Довольно о «прекрасной литературе» (bel-lettres) на этот раз. Передо мной еще две книги, которые к «прекрасной литературе» не относятся. Не относятся они к ней и в прямом смысле, однако сказать о них несколько слов все же стоит.

Первая книга –

Евгений Чириков. «Тихий омут» (картинки дореволюционной провинции. Московское кн-во).

Вторая –

А. С. Панкратов. «Ищущие Бога» (очерки современных религиозных исканий и настроений).

На первой книге, «Тихий омут», я не буду долго останавливаться. Имя Евгения Чирикова известно, как повествователя, романиста и драматурга. Я не большой поклонник его «художественных» творений, но их сейчас не буду касаться; скажу только, что и книга, вроде «Тихого омута», с подзаго-

ловком «Картинки», должна была бы носить признаки художественности, если бы у автора она вообще имелась. Но этого нет. «Тихий омут» – просто-напросто кучка мелких газетных вырезок, провинциальных корреспонденций, написанных серым, тяжелым языком заурядного репортера. Потуги на обличительное остроумие жалки и обычны. Но этого мало: не только вырезки из газет, но из старых газет, десятилетних и даже четырнадцатилетних! С каким интересом читается этот плоский репортаж конца XIX века, эти сказания о «Лягушках» и о «юбилее Якова Ивановича», написанные не только нудно, но еще «по-эзоповски» (цензура!), – легко себе представить. Мы тысячу раз будем возвращаться к Щедрину и Глебу Успенскому, – но, во-вторых, они писали, а не мазали «левой ногой» репортерские анекдотцы для завтрашнего газетного номера, во-вторых, они не издают сегодня своих сочинений в виде «новых книг». Я решительно не понимаю этого «действия» г. Чирикова: для чего он собирал и наконец сброшюровал в толстый томище весь этот хлам? Не прибавил он ни одного лавра к венку писателя (если венок имеется). Боюсь теперь, что ободренный примером какой-нибудь «сотрудник» петербургской газеты издаст «новую книгу» – сборник своих интервью за 1890 г. Что ж, придется и об этой книге давать отзыв...

Г. Панкратов, – автор очерков «Ищущие Бога», – тоже репортер, как и г. Чириков, тоже не без интервьюерства; но книга его тем не менее представляет известный интерес.

Прежде всего – она современна. Современна по сообщениям (этим отчасти оправдана ее газетность) и современна по теме. Впрочем, интересующиеся темой в книге г. Панкратова ничего для себя не найдут. Как всякий рядовой газетный «наблюдатель» – он не разбирается в материале, не отличает значительного от незначительного, нужного от ненужного; всему, что он видел и слышал, – одинаковое место, одинаковый почет.

При этом условии нечего, конечно, и говорить о «художественности» или «нехудожественности» книги г. Панкратова. Слишком известно, что искусство, творчество – все в «выборе», в отборе значительного, нужного, среди ненужного, во взвешивании (все равно на каких весах). Г. Панкратов пишет довольно гладко, больше с него и требовать нечего. Его можно прочесть с интересом, раз виденное им существует в действительности... и если, конечно, наблюдения переданы верно.

То, что мы узнаем, например, об истории «братцев» Иоанна московского и Иоанна петербургского, об отношении к ним народа, власти государственной и власти церковной – очень любопытно. Любопытны все данные фактические, и, если бы им можно было верить вполне, если бы фотографичность г. Панкратова была идеальной – книжка решительно сослужила бы свою скромную службу.

Беда в том, что насчет этой фактической стороны у меня являются сомнения. Полное отсутствие оценки, освещения

фактов часто ведет, – особенно в области темы, которую взял г. Панкратов, – к неверному их освещению, граничащему с искажением.

Я знаю, например, что о «свободном христианстве» еп. Михаила в передаче г. Панкратова и о беседе его с епископом (стр. 123–127) – сам еп. Михаил отзывается так: «Тут нет ни одного слова верного». Или еще «Неплюевское братство». Быть может, грубые факты и верны. Однако для всякого мало-мальски знакомого с «братством» человека ясно, что в описании г. Панкратова – коренная какая-то фальшь.

Хотелось бы надеяться, что других грехов против действительности в книжке г. Панкратова нет. Эти же происходят, конечно, от его неумелости справиться с материалом, от непривычки владеть словами, от газетной, репортерской работы, приучающей к ложной «объективности». Кому это не мешает разбираться и кто не требует непременно «литературного» чтения – пусть проглядит книжку г. Панкратова. Может быть, кое-чем заинтересуется.